

XIII.

Глава о звездах. — Звездная торговля и промышленность. — Реклама. — Раковина-талисман

Когда Петр Брок очнулся, лифт давным-давно стоял. Еще не вполне отряхнув с себя тяжкий сон, Петр вышел на широкую улицу, сверкающую красками и огнями.

Где он?

На каком этаже?

Сколько же еще пробираться вниз, к Муллеру? Может, это вавилонская башня?

По обеим сторонам улицы — роскошные, похожие на алтари витрины; на них, засунув руки в карманы, глазают зеваки. Рядом с богатыми застекленными витринами — лотки и киоски цветочниц, парфюмеров, фотографов, мелочных торговцев, антикваров, громко расхваливающих свой диковинный товар. Гастрономические магазины — символы изобилия, гимн симметрии! Их витрины спесиво разукрашены башнями, пирамидами, гирляндами удивительных плодов и зверушек, разнообразнейших коробок и консервных банок. Все это — дары звезд! Брок пробежал взглядом названия.

ЦЕЛЕБНАЯ ВОДА ИЗ ОЗЕРА АЛЬФА СО ЗВЕЗДЫ М-14

Съедобный мох девственного леса звезды Ц-71

ПУДРА НА-ХА ИЗ ПТИЧЬИХ КРЫЛЬЕВ С ЗЕТ-176

Духи из слез ангелов звезды Д-55

Кровь эльфинских гномов W-70 против обезьяньей болезни!

ПОЛОВЫЕ ЖЕЛЕЗЫ УРСКИХ ВОДОЛЮБОВ — ДЕЛИКАТЕС НА Б-1!

ОБУВЬ ИЗ КОЖИ ОРИГОНОВ С Ф-99 НЕ СНАШИВАЕТСЯ!

Манна со звезды Б-64 напоминает вкусом миндаль.

Была тут и реклама, предлагавшая переселенцам на другие звезды товары родной планеты.

Колонисты на Л-20! Отменные семена! Одно семя дает урожай сам-сто!

**ПОРОШОК АХА — НАИЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОТ РОЗОВОГО ГНУСА НА Ц-71
НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!!!**

**ОТ ГИПЕРТОНИИ В СОЗВЕЗДИИ СПИРАЛИ ПОМОГАЕТ ТОЛЬКО БАЛЬЗАМ
«СПИРАЛЬ»!!!**

**АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ АЗЕГ ПОКАЗЫВАЮТ ВРЕМЯ НА ЛЮБОЙ
ЗВЕЗДЕ!!!**

Бляшки, бусы, зеркальца, фольга — для туземцев на К-5! Они будут преданы вам!!!

Непромокаемые зонты, плащи, палатки! На К-86 ночью идет дождь!

ЭРОЛАМ НА ЗЕТ-2 БРОСАЙТЕ ШОКОЛАД «ДАНА»! ОНИ ОТДАДУТ ВАМ ВСЕ!!!

**НА С-34 — ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ! КУПИТЕ ТЕМНЫЕ ОЧКИ — ИНАЧЕ ВАМ НЕ
УСНУТЬ!**

ПЕРЕД ОТЛЕТОМ В НОВЫЕ МИРЫ ЗАСТРАХУЙТЕ СВОЮ ЖИЗНЬ!!!

**Вы не удержитесь от смеха в ПАНОПТИКУМЕ «ОМЕГА», глядя на живых
обитателей Г-51**

Под полосатым желто-красным тентом продают раковины, похожие и на звезды, и на цветы, и на живые существа, и вообще ни на что не похожие. Торговец одну за другой поднимает их, прикладывает к уху, что-то им нашептывает, а затем хриплым голосом кричит в толпу:

— Раковина ИЗА со звезды Б-55! Как пресс-папье на вашем столе она внушит вам добрые мысли при составлении писем!... Раковина О-РА из Черного озера со звезды Ф-39 подобна черному лебедю! Подложите ее тайно своему врагу — и на каждом шагу его будут преследовать неудачи!... Раковина А-КА с ледяной звезды, похожая на водяную лилию, — залог успеха в любви!... Раковина У-ВА напоминает окаменевшую бабочку. Ее родина — звезда Альбатрос! Спрячьте ее под подушку — и вам будут сниться звезды!... Раковина НЕ-0 со звезды П-44 шумит, как бушующий океан. Десять лет она будет оберегать вас в путешествиях по Муллер-дому!

Напротив продавца раковин бойко идет торговля фантастическими звездными пейзажами. Чуть дальше — еще зазывала, за ним — еще один. И, словно соревнуясь с ними, вопят и мечутся рекламы, рассекая темноту огненными знаками.

XIV.

**Ужас темноты. — Экспортно-импортный концерн «Вселенная» — переправа на
звезды. — Петр Брок не может вспомнить. — Голландская колония на Луне**

Вдруг все лампы погасли, как будто под стеклянным куполом взорвалась тьма.

— Катастрофа!

Может, рабочие на электростанции взбунтовались и примкнули к революции? Может, свет погас на всех этажах и наступила ночь — страшная, бесконечная, полная кошмаров и крови?!

В МУЛЛЕР-ДОМЕ НЕТ ОКОН!

Петр Брок не успел еще осмыслить всего ужаса, который ожидал этот безумный муравейник высотой в тысячу этажей — плод гордыни Муллера, — как его снова ослепил яркий свет. Ну конечно же, Муллер-дом — это мир в себе, и череду его дней и ночей устанавливает сам Муллер! Но то было уже не солнце, то горели огненные буквы, написанные невидимой рукой на черной доске тьмы:

Земельные участки на звездах

Продаем по умеренной цене

Концерн «Вселенная»

И дальше:

Вечная весна царит на звезде E-4

Сказка ждет вас в голубых долинах звезды M-21

Вы станете ангелом на звезде P-25

Небесные красавицы ИКИ-ЛА тоскуют по вас

Вы будете царем на звезде Й-25

Желаете невесту на одну свадебную ночь?

Рекомендуем У-55

До тысячи лет вы доживете на звезде П-7

Божественный напиток на IV спутнике звезды ЗЕТ-22

Бессмертие подарит вам звезда П-5

Затем купол вновь осветился, и надписи исчезли. Осталась только одна, ярче солнца:

ВСЕЛЕННАЯ

Она блистала над входом в прозрачный дворец, чьи грани и карнизы переливались всеми цветами радуги.

Брок проскользнул в дверь и очутился в просторном помещении, которое встретило его сумятицей кричащих красок. Картины и карты сплошь покрывали стены от пола до потолка.

Орбиты солнц и планет, вытянутые, почти параболические пути комет, виды разных галактик с названиями звезд и туманностей. Маршруты, проложенные от звезды к звезде, перекрестки орбит с трассами космических кораблей. Диаграммы, тарифы, прейскуранты, расписания рейсов. Модели планетных систем из стекла и металла. Рельефные изображения фантастических уголков, поросших невероятной, буйной растительностью.

Да полно, растительность ли это? Или кристаллы звездных минералов? А может, это обитатели звезд? Древние исполины или колония пигмеев?

Брок замер. Среди удивительных ландшафтов, которые, пожалуй, настораживали, его вдруг словно ласково погладили по голове. Вот так чудо — пейзаж родной Земли!

Знакомые квадраты возделанных полей. А на заднем плане — лесистые холмы, подернутые голубой дымкой... Часовенка с карминно-красной крышей и круглыми глазками-окошками в дверях.

Боже мой, боже мой, до чего же знакомо! Когда-то, давным-давно, став на цыпочки, я заглядывал в круглые глаза часовенки! Ветхостью и печалью веет изнутри, а в тихом сумраке стоит в алтаре фигура святого. Какого святого? И кто заглядывал в часовенку? Когда? И как же так вышло? Где взаимосвязь? Что было между той часовенкой и проклятой лестницей, на которой я однажды проснулся, без памяти, без прошлого?...

Увиденная некогда часовня покоится далеко в глубинах памяти. Если бы вспомнить, если бы только вспомнить — тогда бы все сразу... Но почему в небе плывут целых три огромных луны — красная, зеленая и оранжевая? Брок прочитал надпись:

Голландская колония на Луне-III звезды C-1!

Не надо работать, природа трудится за вас!

Местные гномы будут вам прислуживать!

Но ведь кому-кому, а Броку нетрудно узнать правду. Все двери Муллер-дома перед ним распахнуты. Любая тайна откроется его глазу. Любой обман растает, как снег в пламени.

XV.

**Переселенцы. — Обедневший миллионер. — Сладострастный донжуан. —
Миссионер Альва. — Аббат Лир. — Франциск Фарани**

Стеклянная перегородка, толпы людей, ряд окошек. Надо только встать возле одного из них и прислушаться.

— Я был миллионером, — рассказывает рыжий оборванец. — Лас Абела, может, слышали? Я владел заводами по производству моторов для автомобилей и самолетов. И черт меня дернул соперничать с нашим Повелителем. Два года я боролся, поставил на карту все свои миллионы — и прогорел. В трубу вылетел, и поделом! Вот и пришлось перебраться в Муллер-дом, а не то одна дорога — просить подаяние. Благословен будь Огисфер Муллер, благодетель! Он сжалился над своими врагами и предоставил им бесплатный кров и пищу!

— Короче, милостивый государь, короче! У нас нет времени, — оборвал его человек за барьером. — Куда вы хотели бы отправиться и сколько у вас денег?

— Я хочу разбогатеть. Здесь, на планете нашего благодетеля, я уже не рискну взяться за что-нибудь серьезное. Но в Вест-Вестере я убил одного трактирщика, так что наскреб достаточно муллдоров и хочу начать все сначала в другом мире. Говорят, на Р-25 есть для этого все условия.

— Конечно, конечно, там вы станете вторым Муллером. Звезда молодая, спокойная, с симпатичным, безобидным населением. За доставку на Р-25 с вас причитается двести пятьдесят муллдоров.

— Но таких денег у меня нет! — простонал оборванец.

— Тогда выберите звезду подешевле. За восемьдесят муллдоров можно переселиться на С-6, только не забудьте прихватить с собой шубу.

— Туда я не хочу!

— Тогда на Ф-1! Плодороднейшая планета, там выращивают виноград, ягоды — с вашу голову величиной. Правда, тамошние обитатели странно пахнут, но к этому вы привыкнете...

— Скиньте хоть пяток муллдоров!

— Это вам торговец раковинами скинет! А мы тут скидок не делаем!

Лас Абела исчез, а его место занял напудренный селадон в белом цилиндре и светло-сером фраке. В синий со звездочками галстук был воткнут золотой колокольчик — видимо, по последней муллердомовской моде. Лицо у вновь прибывшего было подозрительно молодое и красивое, но говорил он скрипучим старческим голосом.

— Я пресытился женщинами! — сетовал он. — Мне опротивели их тела. Вечно одно и то же, только цвет меняется. Я ищу чего-нибудь новенького!

Его пальцы вдруг алчно скрючились, будто когти хищника, а сиплый голос дрогнул от вождления.

Лицо в окошке приветливо заулыбалось:

— Взгляните, вот образцы! Но это, конечно, не все. У многих существ тела чересчур своеобразны, у них и ткани другие, и формы, и инстинкты, и отношения между полами. На Ф-9 оплодотворение происходит через губы, на Б-11-через взгляд, на К-12 — касанием крыльев. На ИКС-6 во время полового акта умирают. Обитатели У-12 прозрачные, а на Б-3 тверды как алмаз. На Г-4 аборигены текучи, на С-22 горят, на Л-7 совершенно невидимы. А как вам нравится эта самочка? Очень похожа на человека, но холоднокровная. А это красотки иного рода. У них, правда, одна-единственная грудь, притом острая как нож, ну да ее можно накрыть каким-нибудь колпаком, зато лица! Стоит к ним привыкнуть, и они кажутся прекрасными! Сношение возможно, хотя потомства не будет. Обитательницы Т-42 густо покрыты шелковистыми белыми ворсинками. Они прекрасно готовят, не прочь выпить, любят белых, боятся негров. Эти, с М-14, весьма чувственны и обожают мужчин-землян. Роста они небольшого, напоминают наших школьниц.

— Туда! Мне — туда! — воскликнул «юнец», захлебываясь от страсти. — Прежде всего туда.

— М-14 — пятьсот муллдоров.

— Стоимость меня не интересует. Но когда я вернусь назад?

— Через двенадцать месяцев. А может, вам и не захочется возвращаться.

— Мне скоро наскучат девочки, и тогда я займусь этими, с белыми ворсинками...

Он получил синий билет и скрылся за лиловой портьерой.

К окошку протолкался человек в черной рясе, подпоясанной красным шнуром.

— Я, Ричард Альва, понесу на звезды свет Евангелия, — проговорил он глухим голосом аскета.

— Пожалуйста, — холодно отозвался чиновник. — Только хватит ли у вас денег? Вы, миссионеры, горазды торговаться.

— Так ведь речь идет о спасении невинных душ. Ангел господень возвестил мне, чтобы я немедленно отправился на звезду Л-100 в созвездии Копретины. Несчастные, они поклоняются треснувшей фарфоровой трубке, которую бросил там первый человек.

— Нет, туда мы вас не пустим. На Л-100 неделей раньше отправился мулла, а два петуха в одном курятнике...

— Подумайте только, — воскликнул Альва, — эти несчастные будут одурманены лжепророком! Они поверят ему и навеки погубят себя! Пока не поздно, скорее отправьте меня туда!

Миссионер буквально влез в окошко, хорошо хоть за барьер не свалился, и замахал кулаками перед носом служащего, а тот хладнокровно заметил:

— Мусульманская вера — тоже вера!

— Но мы несем крест!

— Что верно, то верно. И мы тоже, по вашей милости, — вздохнул служащий. — Там вас ждут не дождутся! А почему вы для спасения душ избрали именно Л-100? Вы несете свет? Так отправляйтесь на Ц-6. Там темно как в могиле! Ее обитатели слепы и поклоняются тьме. Вас они не увидят, зато прекрасно услышат, и вы легко сотворите все ваши чудеса. Рекомендую также Е-19. Аборигены — сущие овечки, всему поверят, что ни наговори. Можете немедля стать мессией. На К-5 аббат Лар восстал из мертвых, и все сразу приняли христианство. Франциск Фарани полетел с цирком на Н-22. И после первого же представления стал верховным божеством, а вся труппа была причислена к лику святых. Цирк превратился в храм, а спектакли — в религиозные обряды. Чего вам еще надо?

Следующим на очереди был художник-пейзажист с мечтательными глазами, грезивший о хрустальных мостах и розовых водопадах звезды В-4.

За ним — суетливый полнеющий парикмахер, чья рыжая напомаженная борода служит своеобразной рекламой его искусства. Он летит на Ф-88 к волосатикам, чтобы словом и делом насаждать там культуру расчесок, гребней, помад и одеколонов. Сыщик с трубкой отправляется по следу убийцы на К-54.

Стареющая кинозвезда хочет взойти на новом небосклоне. Она вернет себе молодость на К-7.

Наследница миллионов бежит с бедным поэтом на Л-11, звезду любви...

Златокудрая красавица ищет возлюбленного, который скрылся среди звезд...

Профессор ботаники с пестрой сумкой через плечо и его прелестная грустноокая супруга будут изучать растительность на Ф-34.

Свергнутый с престола горемыка король снарядился в новое королевство...

Один за другим они скрываются за лиловой портьерой, судорожно сжимая в руках разноцветные билетки, узлы и чемоданы мешают им идти. Они переступают последний порог этого мира, чтобы никогда больше сюда не вернуться, простосердечные переселенцы с родной планеты...

XVI.

Дама в черном. — Предательское ожерелье. — «Зря вы прячете лицо...» — Брок наблюдает с близкого расстояния. — «Стану принцессой гномов...»

Последней к окошку подошла дама в глубоком трауре. Вся в черном, словно окутанная беззвездной ночью. Лицо под густой вуалью, черные перчатки, грудь надежно укрыта платьем, будто два созревающих орешка в мягкой еще скорлупе. Хрупкие плечи, гибкая талия, стройные ноги в черных чулках, точеные колени под черным кружевом юбки — все это навевало мысль о чарующе прекрасной юности.

Дама пугливо оглянулась — она последняя, больше никого нет. Молча протянула чиновнику свой паспорт. Тот заглянул в документ, затем от фотографии поднял глаза к оригиналу. И осклабился, неожиданно упершись взглядом в траурный флер.

— Будьте добры, приподнимите вуаль. Я ведь должен видеть ваше лицо...

— Это обязательно? — спросила она тихо, почти не раскрывая губ, и как бы невзначай уронила на барьер тяжелое жемчужное ожерелье. Чиновник быстро схватил его. Надел очки и стал внимательно, зерно за зерном, рассматривать драгоценность. Потом вдруг захохотал, оскалив белые клыки.

— Зря вы прячете лицо, принцесса Тамара! Ожерелье выдало вас! Вы удираете из Гедонии!

— Неправда! — испуганно крикнула черная дама. Но голос ее внезапно дрогнул и надломился, как ветка.

А человек за барьером будто и не слышал ее:

— У нас есть ордер на ваш арест! Ваш паспорт — поддельный. Это работа мастера Ворка с Тигровой улицы!

Принцесса стояла неподвижно, черная, как облако мрака.

Густая вуаль не позволяла увидеть ее лицо. Только слышны были негромкие рыдания. Внезапно она шагнула к окошку, прижала к груди черные руки в черных перчатках и горячо зашептала:

— Прошу вас, пожалуйста, не выдавайте меня! Я вам все отдам, все, что захотите! Там, внизу, такое задумали со мной сделать — ужас! Сжальтесь! Отпустите меня на Л-7! Что вы хотите за это? Все, что у меня есть...

Принцесса высыпала на барьер содержимое своей черной сумочки. Среди драгоценностей сверкнула маленькая корона в форме звезды, на кончиках лучей которой виднелись крупные бриллианты.

— Этого хватит? — прошептала она и, словно боясь, что не хватит, откинула вуаль и улыбнулась. Чисто женский поступок... Попытка добавить к драгоценностям еще одну, самую дорогую...

Невидимый Петр Брок воспользовался случаем и рассмотрел принцессу. Она была прекрасна. Огромные, затененные длинными ресницами темно-синие, как вечернее небо, глаза какого-то необыкновенного разреза и формы подчеркивали удивительную красоту чужестранки. Губы, не слишком полные, пленительно страстные, открывались в улыбке, точно спелый пунцовый стручок, обнажая ряд блестящих белых зернышек. Возможно, весь секрет был в принцессиной молодости, которая и делала ее неправильное личико столь прекрасным, а большой рот — столь соблазнительным.

Человек в окошке сгреб драгоценности и криво усмехнулся:

— Ладно, идите! Но от Господа Муллера вам не сбежать! Он будет гнаться за вами от звезды к звезде...

— Отправьте меня на самую далекую, на самую последнюю...

— Последние наши станции — на звездах-карликах в туманности ЗЕТ-Б. Там не так уж и плохо... Солнечная система совсем как наша, только в карманном издании... Солнышко в миллион раз меньше нашего. А планетки, что кружатся вокруг него, — точная копия нашей Земли. На ЗЕТБ-1 живут человечки, как две капли воды похожие на землян. Правда, ростом пониже... Каждый туземец легко помещается в дамской сумочке. Но они еще гиганты по сравнению с крошками, населяющими соседний шарик ЗЕТБ-П. Такие же люди, как мы, они не больше муравьев. А на ЗЕТБ-Ш люди были обнаружены в

пыли под микроскопом... Ну, выбирайте любую...

— Давайте первую, раз ничего другого не остается...

— Это послушные, умненькие куколки... Заживете там словно в сказке.

— Но как мне скрыться, если он все же меня настигнет?

— А вдруг вы еще рады будете, если кто-нибудь вызволит вас с этой лилипутской звезды. Ведь со временем они вам опротивеют. Вот, пожалуйста, ваш билет.

— Итак, стану принцессой гномов, — вздохнула она и исчезла в лиловых складках портьеры.

Брок двинулся за ней по пятам, сгорая от любопытства, — даже в горле запершило.

XVII.

Зал ожидания на пороге вселенной. — Бесполезные споры, «...всюду земля господня...» — Бархатный зал. — Брок пытается спасти принцессу

Он очутился по ту сторону занавеса и тотчас смекнул, что от разгадки тайны его отделяет еще длинный белый коридор; только пройдя его до конца, можно будет скинуть бремя любопытства.

Белые лампочки льют молочный свет, глухо звучат шаги, перебивают друг друга голоса. Чемоданы и рюкзаки с каждым шагом становятся все тяжелее, оттягивают руки переселенцев. Наконец и этот путь пройден. Долгое, бесконечное ожидание. И вот медленно, как крышка гроба, открываются массивные железные ворота. Гудящая толпа людей, которые буквально падают от усталости, поспешно устремляется к зияющему проему. Последней в него проскальзывает принцесса, а за ней Петр Брок. Ворота за ними мягко, неумолимо закрываются.

Просторный зал заполнился людьми. Все как по команде уселись на свои узлы и чемоданы.

— Я представлял себе это несколько иначе... — заметил художник, разочарованно оглядывая голые стены, словно отыскивая на них картины.

— Хоть бы скамейки поставили... — вздохнул миссионер, который побоялся сесть на свой жалкий баул. — У меня там дароносица, чаши и кресты, завернутые в церковные облачения. Не дай бог, сломаются, — сообщил он сыщику.

А тот в недоумении посасывал трубку.

— Черт побери! И это зал ожидания на пороге вселенной? Скорее напоминает приемную богадельни!

— Вот так всегда получается, — язвительно проскрипел напудренный юнец, — когда не выделяют тех, кто богат. Я путешествую только первым классом — и на подводных, и на обычных, и на воздушных кораблях. Я могу себе это позволить. — Он нервно передернул плечами и стряхнул пыль с рукава своего фрака, который задела старушка, пробиравшаяся в другой конец зала. — И куда ты, старая, лезешь?

Беззубая старушенция гордо вскинула седую голову. Ее волосы, спереди расчесанные на пробор, походили на серебристые крылья летящего жука. На макушке у нее была смешная шляпка, завязанная под подбородком черной лентой.

— Я графиня Кокочин! — спесиво заявила она и навела на дерзкого юнца золотой лорнет.

— О, простите, ваша светлость, я не предполагал... — Молодой человек отвесил преувеличенно низкий поклон и с насмешливой галантностью снял белый цилиндр.

— Старость доставляет мне столько хлопот, — уже спокойно сказала графиня.

— И куда же вы изволите направляться?

— Я? На Л-70!

— Черт возьми! Звезда любви...

Старуха кокетливо стукнула его лорнетом.

— Ах, проказник! Звезда молодости, а не любви... Я лечу за молодостью. Далеко это?

— Двадцать муллеренов... Не знаю, доживете ли вы до конца путешествия! — злорадно сообщил Лас Абела, бывший миллионер.

— Но ведь мне сказали, что путешествие продлится лишь трое суток...

— Может быть, — согласился Лас Абела, — но не забывайте, что в других галактиках время другое и люди стареют не так, как под нашим солнцем...

— Всюду земля господня! — включился в разговор миссионер. — Если будет на то его воля, вы умрете по-христиански, с крестом! Я везу его с собой. У меня и освященный елей есть для соборования. Так что не беспокойтесь, добавил он.

— А я вас в гробу надушу... — Парикмахер нажал на грушу пульверизатора. От терпкого непривычного запаха запершило в горле.

— И меня, и меня, — закричала розовая куколка, которой очень захотелось благоухать в объятиях своего возлюбленного поэта.

В эту минуту над отдыхающими возникла матросская шапка, лицо, изъеденное глубокими оспинами, и черная, с желтыми полумесяцами, безрукавка. Брок сразу его узнал — это был тот самый пьяница, который распевал похабную песню на кольцевой улице Вест-Вестера.

— Подъем, господа, за мной! — закричал матрос, прикуривая от факела. В глубоком вырезе на его груди виднелась яркая татуировка: космический корабль, плывущий среди звезд. Руки у него тоже были покрыты татуировкой — неуклюжими изображениями чудовищных неземных растений.

Матрос отпер маленькую дверцу, ведущую в темноту, и все повалили за ним. Началась давка. Узкий коридор не спеша проглатывал одного путешественника за другим. Он был сырой, длинный, словно пищевод гигантской змеи, и вел то вверх, то вниз. Все шли гуськом, склонив головы, локтями касаясь влажных стен. Далеко впереди чадил факел матроса.

Наконец там появился светлый прямоугольник, и люди воспрянули духом. Факел исчез в нише, но его желтоватый огонь высвечивал движущуюся вереницу тел. Когда принцесса, а следом за нею и Брок шагнули в светлый прямоугольник, сзади захлопнулась дверь.

Бархатисто-черный круглый зал, высоко под потолком сверкает раскаленный фиолетовый шар. Со всех сторон слышатся крики отчаяния, плач, люди заламывают руки.

— Измена, измена, мы все здесь погибнем!

В первую минуту Брок ничего не мог понять. Но потом вдруг почувствовал странный одуряюще приторный запах, от которого кружилась голова. Перед глазами у него расцвел неземной красоты цветок с алыми листьями и черным венчиком. Брок задержал дыхание — цветок исчез. Он увидел, что все показывают вверх на металлическую трубку в стене, из которой валил и быстро таял в воздухе белый дым. Началась паника.

Первая мысль была — спасти принцессу. Брок рванулся к стене, где, как он помнил, была захлопнувшаяся дверь. Но двери как не бывало.

К тому же принцесса затерялась в этом безумном столпотворении. Все стонут, кричат, плачут, стараются заткнуть чем-нибудь рты и носы.

Бывший фабрикант в отчаянии мечется по залу, словно зверь в клетке.

Миссионер Ричард Альва, охваченный мистическим ужасом, стал посреди зала на колени, бьется головой об пол и богохульствует, проклиная своего бога и насмехаясь над ним.

Поэт с дочерью миллионера, забыв обо всем перед лицом смерти, слились в страстном объятии, чтоб погибнуть в упоении любви.

Художник с мечтательными глазами умирает в слезах.

Парикмахер рвет свою нафабренную бороду.

Пресыщенный юнец полной грудью вдыхает губительный запах.

Концентрация газа быстро растет, да и дыхание навек не удержишь, в конце концов каждый напьется смерти, глоток за глотком.

Люди падают друг на друга, кучи тел громоздятся на черном мраморе.

В середине зала Брок нашел наконец свою принцессу. Когда он подбежал к ней, она уже готова была упасть. Он подхватил ее и мягко опустил на камень. В ее глазах мелькнуло удивление.

— Принцесса! Принцесса! — закричал Брок, в отчаянье прижимая губы к ее виску. — Ради бога, задержите дыхание!

Но сам он от этого крика лишился последнего глотка чистого воздуха. Он выпрямился и волей-неволей опять глотнул смертоносный газ. Голова у него закружилась, в ушах зашумело, а перед глазами снова вырос алый, как кровь, цветок. Это конец, конец!

Итак, в борьбе с Огисфером Муллером он потерпел поражение! Проиграл, еще не вступив в борьбу. Даже не видел его — и проиграл. Шум в ушах все тише и тише. Черный цветок быстро растет, раскрывается, поглощает его... Ноги подкашиваются, человек падает, умирая... Петр Брок упал. Ослепительная вспышка, и все погасло. Тьма, и даже тьмы уже нет... Ничего нет.

XVIII.

Сон. — Старик с доброй улыбкой. — Судьба переселенцев. — Паршивый материал. — «А как же дворник?»

И все— таки желтый огонек мигает и мигает. Трехэтажный помост теряется где-то в темноте. К его доскам прилепились серые куколки-балахоны. Кажется, будто они усохли, потому что сморщились и опали. И все же внутри что-то шевелится, пахнет -то ли рождается, то ли уже гниет... Здесь их немало, этих куколок. Время от времени они вздрагивают, как бы показывая, что по-прежнему живы, что, может быть, однажды ночью из них вылупятся мрачные бархатные бабочки «мертвая голова»...

Но что это? Желтый огонек, светящийся лунным светом, неожиданно вспыхнул ослепительно ярким пламенем. Петр Брок открыл глаза.

Что произошло?

Сон исчез.

Над головой вновь горит фиолетовый шар, только дно бархатной чаши опустело. А круглая стена в одном месте словно треснула — сквозь узкое отверстие пробивается свет, и что-то в нем движется... Брок бесшумно скользнул в эту щель и очутился в стальной камере без мебели, с заклепками на стенах. Под потолком — прозрачный человеческий череп, из глазниц и из носа бьют лучи света.

В углу толпа полураздетых переселенцев, их руки скованы тонкой цепью. Женщин среди них нет. Больше всего Брока поразило, что они молчат. Жуткой тишиной веяло от этих сломленных, напуганных людей. Лишь подойдя ближе, он увидел, что у всех во рту металлические кляпы. Концы цепей держат в руках два краснорожих молодчика с плетками. Кроме них и матроса здесь были еще двое. Заглянув им в глаза, Брок понял, что именно они будут решать судьбу обманутых переселенцев.

Первый — седовласый старичок в черных очках и с на удивление доброй улыбкой — то горбится, то снова выпрямляется. Одет в мундир с золотыми эполетами. На груди сверкают орденские звезды, расположенные в виде созвездия Кассиопеи. На голове офицерская морская фуражка с надписью «Адмирал Шурхэнд». Бородка у адмирала раздвоенная.

Второй — полная противоположность первого. Одутловатая, красная физиономия,

грубая, как у мясника, так и пышет примитивной жестокостью. Безукоризненный темный костюм. На пальцах, на манишке и в манжетах сверкают искорки бриллиантов. Лоб узкий, скошенный, в левом глазу монокль — для придания грубым чертам аристократического лоска.

— Сколько? — спросил у татуированного матроса добрый старичок.

— Сорок пять из девяноста, — почтительно доложил матрос, — в том числе пятнадцать женщин. Остальные уже в печи. . .

— Паршивый материал! — брезгливо бросил человек с моноклем. — Всех в ад!

— Слишком вы торопитесь, милорд! — возразил старичок. — Что-нибудь среди них да найдется.

Он подошел к бывшему миллионеру и похлопал его по заросшей рыжей щетиной груди.

— Взгляните-ка, милорд, на этот экземпляр. Рыжие — народ выносливый и живут долго. Он будет хорошим рудокопом!

— Ладно, адмирал, — ответил милорд, — в шахту его.

Матрос что-то пометил в своем блокноте, и двое молодчиков отвели рыжего в другой конец зала.

— Одного отправить на склад! — вспомнил милорд и подошел к парикмахеру, который дрожал, как басовая струна. Милорд словно бы ненароком щелкнул его по носу и сухо сказал: — Пятьсот шестьдесят седьмой этаж!

Матрос записал, и парикмахер очутился в противоположном углу.

Затем адмирал обратил внимание на влюбленного, в отчаянии протирающего руки к железным дверям, которые хранили тяжелое молчание.

— Сэру Марко нужен молодой раб, — сказал он, будто утешая, — вам повезло. . .

— Семьсот тридцать третий! — процедил милорд и двинулся дальше.

— На улице Эсмеральды Кран требуется дворник, — забормотал бойкий старичок, подбегая то к одному, то к другому, и наконец остановился перед бывшим монархом.

— Метлу удержишь? — сочувственно спросил он.

Пухлый экс-король онемел и оскорбленно завертел головой.

— Это король Арамис Двенадцатый, — сказал матрос, заглянув в свой блокнот.

— Который? — переспросил милорд, словно не расслышал, который час. Потом вдруг зловеще гаркнул: — В ад его!

— На небо, на небо, — успокоил старичок. — Мы только тряпье сжигаем, а из костей делаем пудру для вест-вестерских красоток. А души улетают на звезды, ха-ха-ха! — Он так рассмеялся, что даже черные очки запотели. И когда он их снял, то оказалось, что глаза у него ядовито-зеленые, злющие и жесткие, а добрые морщинки — это всего лишь маска.

— Ну хватит! — решил милорд. — Все остальное брак. Мусор! В печку их!

— А как же дворник? — Адмирал вновь нацепил очки и углядел напудренного юнца. Лицо у того было перекошено от страха и застрявших в горле рыданий. Матрос записал номер этажа и перевел молодого человека в группу напротив.

XIX.

**«А теперь — девочек...» — Принцесса, потерявшаяся и найденная вновь. —
Галантность Муллера. — "...пожалуйста, улыбку..."**

— А теперь — девочек! — похотливо просюсюкал старичок и поправил на груди отклеившуюся звезду. Милорд, входя в соседнюю комнату, вытянул манжеты, чтоб заметнее были бриллиантовые запонки. Брок потихоньку прошел за ними.

Там на полу сплетался и расплетался клубок женских тел, а ведь всего несколько

минут назад Брок видел, как эти женщины шагали в колонне. Любовницы и подруги, провожающие, провожаемые, одинокие гордые путницы, влекомые своей мечтой. Кляпов у них не было.

Сначала — принцесса! — мелькнуло в голове у Брока, когда он подбежал к толпе плачущих женщин. Но принцессы среди них не было. Она стояла поодаль, прижавшись к стене, гордая, вся в черном, и ждала своей участи без единой слезинки в глазах.

О, у него прямо руки чесались сейчас же на месте расправиться с этими двумя мерзавцами и освободить обманутых переселенцев! Но внутренний голос, безотказный инстинкт говорил ему, что надо выждать и отложить мщение до той великой минуты, когда можно будет рассчитаться разом со всеми. Он бесшумно приблизился к принцессе, наклонился к ней и зашептал:

— Не бойтесь! Я с вами.

А когда она повернула к нему изумленное лицо и губы ее затрепетали, собираясь задать вопрос, Брок поспешно предупредил:

— Тише, тише, не надо спрашивать! Не шевелитесь! Они не должны ничего знать! Я все время рядом с вами. Но вы меня не ищите! — Он легко коснулся ее левой руки и прошептал: — Вот я! Это будет означать, что я рядом. Вы не возражаете?

— Нет! — Принцесса кивнула и едва заметно улыбнулась.

Между тем старый обманщик с лживой маской добряка пытался ласковыми речами остановить потоки слез, причитаний, проклятий, которые низвергались на него.

— Дамы! Милые дамы! К чему эти слезы и причитания! Фу, какими некрасивыми становятся от плача ваши носики!

— Верните мне моего Яничка! Отдайте мне его! — рыдала розовая девочка, все еще ничего не понимая. — Я же не могу лететь без него!

— Похищение, похищение! — истерично выкрикивала кинозвезда. — Бандиты! Воздушные пираты!

Дочь миллионера, забыв о поэте, горько оплакивала свои чемоданы.

— А ну, замолчите, — разозлился человек с моноклем, — не то придется отвесть наших груш! А они у нас жесткие...

— Улыбки, улыбки, дорогие дамы, нам нужны ваши улыбки, — затараторил старый адмирал. — Улыбнитесь, пока не поздно!

Но стоны, плач и ропот не утихали. Громче всех шумела старая графиня. Она звала на помощь, требовала полицию, ругалась, сыпала угрозами:

— Негодяи! Подлецы! Только попробуйте поднять руку на беззащитную аристократку! Где же ваши звезды? На небе? Вам бы лишь грабить, водить дураков за нос! Пираты! Отдайте, бандиты, мой чемодан, верните мои деньги!

Тут подал голос милорд:

— Безгранична галантность нашего благородного Муллера (он благочестиво поклонился), но всему есть предел, особенно когда речь идет о явном браке! Грушу! — скомандовал он, и не успела графиня глазом моргнуть, как один из молодчиков загнал ей в рот стальной кляп. Остальные тотчас умолкли.

— Вот видите, дорогие дамы. А теперь, пожалуйста, улыбку! Эта девочка, милорд, не слишком красива, но вряд ли ей больше семнадцати.

— Еще бы, — усмехнулся монокль, — в самый раз для кабаре донна Эремиса...

За розовой девочкой последовали дочь миллионера, грустноокая супруга профессора ботаники, потом две бледные хорошенькие сестры-двойняшки, совершенно на одно лицо, в коротких юбочках и детских гольфах. Они держались за руки и ничегошеньки не понимая, звали отца. Молодчики с плетью отвели их всех в угол комнаты, где, подвешенный к потолку, колыхался роскошный турецкий шатер, устланный плюшем, с красными кругами пуфов.

Первое упоминание об Ачоргене. — Пурпурный шатер-лифт. — Старый сводник утешает принцессу. — Мадам Верони

Наконец настал черед принцессы. Брок насторожился. Старик адмирал, поправив безупречную складку на брюках с желтыми лампасами, учтиво, в наигранном удивлении, подошел к ней.

— Принцесса Тамара! — воскликнул он. — Какая неожиданность! Черный бриллиант, потерянный и найденный вновь... Бархатная бабочка хотела упорхнуть от нас к небесам... Сколько ж мы вас искали по всем этажам!

— Никто не искал, и никто не терялся, — оборвал его милорд, — в Муллер-доме никогда ничто не терялось и не потеряется!

Но запавший старческий рот все бубнил:

— Принц Ачорген, третий секретарь нашего благодетеля и Повелителя, полюбил вас с первого взгляда... Ему первому вы станцуете хрустальное фуэте, или второму, если пожелает Сам... Говорят, наш благодетель и Повелитель уже справлялся о вас и ваших успехах в танцах. Беда, если вместо симпатии вам придется испытать Его гнев!

Принцессу отвели в шатер. Брок метнулся за ней. Старичок тоже устроился в шатре и подал знак рукой. Внезапно шатер окружили металлические стены. Под куполом вспыхнула лампочка, и упакованный в металлический футляр шатер начал падать вниз.

В герметически закрытой кабине Броку трудно было определить скорость падения, вдобавок ничто не шелохнулось и падение проходило без малейшего шума и тряски. Кабина словно и не двигалась, но он чувствовал, что они с бешеной скоростью летят в пропасть. На мгновение перед глазами у него вспыхнул знакомый желтый огонек, но он сразу отогнал видение.

Старый сводник внимательно разглядывал заплаканные лица. Кое-кто еще всхлипывал, по чьей-то щечке еще текла слезинка, но рыдания стихли. Они устали отчаиваться, да и в глаза рвутся новые, любопытные картины — вон они, так и мелькают. Адмирал в этом мчащемся вниз колоколе вел себя с дамами на удивление корректно. Он сидел в сторонке, подтянув брюки и зажав ладони между колен, видимо, чтобы не возникло подозрения, будто он намерен приставать к своим соседкам. Фуражку он сдвинул на затылок и заговорил с притворным добродушием:

— Как видите, дорогие дамы, ничего страшного с вами не случилось, да и не случится. Вы испугались, что не попадете на свои планетки? Клянусь Муллером, мы сейчас летим на одну премиленькую звездочку... Это звезда танцев... Танцы и любовь... Мадам Верони вас научит в своих салонах и тому и другому. Она-то, конечно, уже не танцует, по причине изрядной полноты, но возглавляет танцевальный университет, где преподают знаменитости старого мира... Не бойтесь, мы выбрали вас не только за смазливые мордашки — ваши фигурки, ваши ножки победили в тайном состязании спящих красавиц... Вон тех двух пупсиков тоже я отыскал, — при этих словах морщины старого сводника изобразили нежную улыбку, — я сжалился над образцом столь совершенной симметрии... И папочек для вас, сиротинки мои, тоже найдем — каждой по одному. Но сначала вы пойдете в школу. Мадам Верони обучит вас азбуке любви. А вы, принцесса, вернетесь на виллу «Тамара». Искренне вам советую: разучите хрустальное фуэте. Без танца в Гедонии карьеры не сделать... Ублажите принца Ачоргена. Неужто не понимаете, что все женщины там, внизу, без ума от него, а среди них есть и принцессы... Это великий человек — правая рука гениального, божественного Муллера. А какой кавалер! Целый этаж Гедонии занимает, три тысячи комнат. Он покровитель художников, артистов, музыкантов Муллер-дома. Если вы ему угодите, он возьмет вас в жены! Клянусь Муллером, он сумеет вас обеспечить, даром что уже содержит в гаремах около полусотни жен...

Принцесса смотрела в потолок и молчала. Гордая, не сломленная, она будто светилась изнутри холодным как лед светом. Зато Брок ловил и впитывал каждое слово адмирала, как иссохшая земля — влагу.

Неожиданно кабина-шатер мягко, без толчка остановилась. Складные металлические стены поднялись, лампа погасла, и шатер очутился посередине огромного розового зала. Броку показалось, будто здесь только что стихла музыка. Со всех сторон бежали разгоряченные, потные люди. В мгновение ока шатер окружило жаркое кольцо человеческих тел. Прекрасные лица женщин — ярко накрашенные губы, влажные, блестящие глаза, устало прикрытые тяжелыми длинными ресницами. И лица мужчин — с виду молодые, гладкие от жидкой пудры, но что самое странное — почти у всех бородки: черные, белокурые, рыжие и непременно раздвоенные. Брок вспомнил обитателей города авантюристов, да и старый сводник носил бороду той же странной формы. Брок смекнул, что таков, вероятно, последний крик моды в Муллер-доме. Однако задумываться над подобными пустяками было недосуг. Адмирал первым выскочил из шатра и тщательно расправил брюки, чтобы заглаженная стрелка приобрела изначальный вид.

— Мадам Версии, мадам Версии! — позвал он.

Из толпы вынырнула грудастая толстуха в роскошном платье из какой-то зеленой чешуи. Прелести ее давным-давно утонули в складках жира, а рот, подпертый чуть не десятком подбородков, находился куда выше адмиральской макушки.

— Ну вот, привез вам новых ангелочков, — скороговоркой забубнил сводник, — правда, отрастить им крылышки — это уж ваша забота. Думаю, выбор удачен...

Мадам Верони сверкнула золотым лорнетом в сторону грустных пленниц и от удовольствия заколыхала подбородками.

— Замечательно, адмирал, — сказала она сладким голосом. — «Вселенная» никогда не подводит. Эти розовые куколочки прелестны — даже на Венере не было бы стыдно за нашу старушку планету. Приходите завтра, я с вами рассчитаюсь! — Неожиданно мадам Верони всплеснула руками. — Клянусь солнцами! Это же наша Тамара! Адмирал, вы что, ослепли от звездной пыли?

Сводник под прикрытием темных очков тихонько хихикнул.

— Вы действительно думаете, что в мои сети ловится только мелкая рыбешка, мадам?

— Идите сюда, моя дорогая, — зашебетала мадам Верони, обращаясь к принцессе, — до чего ж вы бледная! Я отведу вас в вашу виллу. Там все осталось как раньше, сами увидите, идемте, дитя мое!

Но старый сводник не отдал добычи.

— Побудьте-ка лучше со своими ангелочками, мадам, они тоже устали! Дайте им теплой воды для ног, а принцессу предоставьте мне! Я сам отведу ее куда нужно... Пойдемте, принцесса!

— Идите, — шепнул Брок.

Принцесса чуть заметно улыбнулась. Так они и вышли из зала — принцесса, адмирал и Брок.